

НИТЬ ТЯНЕТСЯ ИЗ ГЛУБИНЫ

Краеведческий
очерк

1 июля, завершив очередной сезон, артисты театра имени М. Горького в последний раз собрались на своей сцене. Они знали, что, вернувшись из гастрольной поездки, уже не застанут здание в прежнем виде. Простояв семь десятков лет, оно основательно состарилось. Многие службы пришли в негодность. Особенно стала отставать от новых требований сценическая часть, появились большие претензии к ней и в постановочном, и в техническом, и в пожарном отношении.

Чтобы начать строительство новой сцены, театру пришлось потеснить областную библиотеку, социальные общежития, часть жилых домов на улице Героев Аджимушкая. Снесены и многие надворные постройки. В том числе

— каменный сарай, долгое время служивший для хранения декораций. Мало кто знает, что это и был первый Симферопольский театр, знаменитый тем, что на его сцене играли такие известные актеры, как Щепкин, Олдридж, Садовский...

Давайте же вернемся к тем временам. Перелистаем страницы прошлого, особенно внимательно вчитываясь в те строки архивных документов, воспоминаний современников, старых газетных публикаций, которые рассказывают историю театральных зданий, а вместе с ней и биографию старейшего театра.

Итак, рассказ первый.

1. «ДЛЯ УВЕСЕЛЕНИЯ ПУБЛИКИ...»

Сентябрьский день по-южному щедр на солнце. Крыша «щепкинского» театра почти разобрана, и, прорываясь сквозь перекрытия, солнце ложится на пол желтыми праздничными квадратами. В узких столбах всеело пляшет, искрится пыль, и сарай уже не кажется таким сумрачным, как всегда. Прежде здесь мало что можно было разглядеть при тусклом свете редких электрических лампочек. Теперь я жадно вглядываюсь во все углы, стараясь отыскать приметы былого. Знаю, что через день-два разберут и эти стены, и тогда останется первый театр лишь в памяти старожилов да упоминанием в книжках-путеводителях.

Мимо фанерного амура, изрядно выцветшего от времени, парящего на веревке над тем местом, что некогда называлось сценой, мимо кирпичных колонн, поддерживающих потолок, пробираюсь к яркой изразцовой печи. Нет, оказывается, это тоже декорация. Да и откуда быть изразцам? Не по Сеньке шапка... Сколько хлопот доставляли театральные

пожарной команде. Беды в любой момент можно было ожидать и от керосиновых ламп, укреплённых в нишах на стенах. Хоть сам дом и каменный, но логи, полы, сцены, скамьи в нем были деревянные. Одной искры хватило бы...

Театральный журнал середины прошлого столетия в статье «Актеры и театр в Симферополе» сообщал: «В нашем городе существует храм Мельпомены. Нельзя сказать, чтобы он был очень хорош, но нельзя утверждать, что он совсем дурен. Встроен он не очень давно, снаружи не оштукатурен, внутри отделан посредственно и заключает в себе один ярус лож, партер, оркестр и галерею...»

Почти в таком виде театр и сохранился до постройки нового здания в 1910 — 1911 годах. Но к тому времени, о котором говорит журнал, здание уже не раз подвергалось переделкам и достройкам. Каким же оно было первоначально? В данном случае, очевидно, даже неуместно будет употреблять слово «здание», потому что это был всего-навсего небольшой сарай при доме дворянского собрания (ныне областная библиотека имени И. Франко). К сараю приезжавшие в город привязывали лошадей, а внутри, по некоторым источникам, устроились ка-

ресты. На это-то помещение и обратил внимание богатый купец Волков, переселившийся из Москвы в Симферополь по настоянию врачей. Было это в двадцатых годах прошлого столетия.

Как выглядел город в те времена? Описания находим в рассказах путешественников, писателей, историков, посетивших его по дороге на Южный берег, либо живших в нем. Вот какую запись оставил известный путешественник Ф. Вигель, побывавший в Симферополе в марте 1826 года. «Переехав вброд через Салгир, который почитал я речкой и в которой нашел только быстрый поток, я увидел себя на бесконечном поле, среди которого достраивалась довольно хорошей архитектуры соборная церковь. По бокам же в довольно расстоянии от нее расстояния были два двухэтажные каменные здания присутственного места и странно-приемный дом Таранова-Белозерова, вот весь настоящий Симферополь...»

Может быть, мы обратились к чересчур ранним источникам! Перелистаем десяток лет. Вот Симферополь 1836 года: «В городе насчитывается 8000 жителей...» Перескочим еще через несколько десятков. В

польская техническая комиссия указывала на то, что в городе нет порядка, «бродящие по городу свиньи портят устраиваемые тротуары и что даже городской театр и свир «подвержены их посещениям».

И все же в этом маленьком захолустном городке Российской империи была своя интеллигенция, ощущалось некоторое бие пульса общественной жизни. И Волкову, большому театралу, не отказали в помещении, которое он просил, чтобы устроить в нем любительский театр «для увеселения публики». Пол в сарае устлали досками, устроили логи, сцену. Вокруг Волкова быстро составила группа любителей сцены, и вскоре симферопольцы увидели первые представления. Даже в таком виде и качестве театр нес в это захолустье свое освежающее слово, потому что публике были предложены «произведения господ Фонвизина и Сумарокова». А потом появилась и настоящая труппа...

В сороковых годах прошлого века помещению театра перестроил директор местной гимназии П. Самойлов, брат известного в то время артиста Самойлова. Видимо, в «новых» стенах и выступал великий трагик Михайло Семенович Щепкин, который приехал в Симферополь 27 августа 1846 года вместе с Виссарионом Григорьевичем «Белинским».

Осень в тот год стояла сухая и жаркая. Поездка на Украину, на юг была задумана обоими давно, но по разным причинам то с той, то с другой стороны откладывалась. И, наконец, свершилась. В Симферополь путешественники держали путь из Херсона. Сначала водою, а потом на лошадях. И, как пишет Белинский в своих воспоминаниях, приехали «в пыли и изнурен-

мой. Мылись в турецкой бане». Артист и критик остановились в одной из двух городских гостиниц — в «Золотом якор»». Поездка утомила обоих. Белинский после бани заболел. И Щепкин чувствовал себя неважно. Первый спектакль он играл в местном театре 1 сентября. Давался французский водевиль Г. Соважа и Ж. Делюрье «Матрос», в котором у Щепкина была превосходная роль матроса Симона.

Вот что писал очевидец об этом представлении: «...Публика, не обращая внимания на жалкую игру прочих артистов, приходила в неистовый восторг при каждом слове, при каждом куплете, спетом Щепкиным». После спектакля к артисту подошел молодой чиновник Симферопольской уголовной палаты. Он обнял и расцеловал Щепкина со слезами на глазах. Это был А. Н. Серов, впоследствии известный композитор и музыкальный критик. Именно ему мы обязаны тем, что сегодня в подробностях знаем о пребывании Щепкина в Симферополе.

Двенадцать дней продолжались гастроли. Щепкин сыграл свои самые лучшие роли — городского в «Ревизоре», Макогоненко — в «Наталке Полтавке». Да и во всех прочих — пожилой француз, скупец, старик-банкир — он был очень хорош, искренен, неповторим. Хотя трудно было показать, проявить себя в той жалкой труппе, в какой он оказался. Серов в письмах к Стасову рассказывал, что Щепкин, прижимая к груди партнера, был вынужден шептать ему на ухо очередную реплику, потому что провинциальные исполнители почти не знали текстов. «Это расхолодит хоть кого! — горестно восклицал Серов и продолжал: — Так вот при каких условиях мы должны были на-

слаждаться хоть игрою Щепкина — и все-таки наслаждались!»

Настоящий артист всегда артист. Он не покрывил душой, не позволил себе слабости, которую можно было бы списать за счет неискушенной провинциальной публики. Играл со всей «живостью, веселостью, одушевлением», зажигая огнем чувствительные души.

Так же играли в Симферополе позже Садовский, Варламов, Давыдов, Стрепетова, Комиссаржевская... не только находя себе истинных поклонников среди трудовой интеллигенции, культурных и образованных разночинцев, но и привлекая к сцене новые сердца. Добрыми посевами засеивали они трудную целинную почву, несли с собой настоящее искусство, и потому их имена навсегда остались в истории театра...

В 1873 году прежнее помещение театра развалили до основания. Один из директоров (к тому времени театром руководила дирекция) оставил поручик И. С. Чех взялся за новое сооружение. От дома дворянского собрания была отторгнута часть здания, которую использовали для вестибюля и буфета. Перед входом в зал построили фойе, а от него вдоль здания со стороны двора — артистические уборные, мастерские, контору и другие службы.

В более поздние годы помещение еще не раз подвергалось реконструкциям. Но подобной перестройки уже не было. Существует свидетельство 1888 года, из которого нам известно, что в Симферопольском театре было 410 мест. «Снаружи никакого вида, но внутри он довольно опрятный и производит выгодное впечатление...»

Пройдет еще два десятка лет, и выросшему губернскому городу и это здание перестанет удовлетворять. И тогда станет вопрос о новом театре. Но об этом наш второй рассказ.

Г. МИХАЙЛЕНКО.